

UDC 94(470) «19/20» +281.93

Preconditions and Reasons of Religions Educational and Missionary Activities of the Russian Orthodox Church in the Late 19th – Early 20th Centuries

Yelena D. Mikhailova

South West State University, Russian Federation
PhD, Associate Professor
E-mail: miheldm@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to studying the reasons and preconditions for religions, educational and missionary activities of the Russian Orthodox Church in the late 19th – early 20th centuries.

Basing on the archive records, the author shows that most important preconditions for enhancing religions – educational activities were the following: the destruction of traditional patriarchal life of the masses, which was based on religions values, the need to overcome “religions ignorance” of a significant part of Orthodox population, the rapid religions dissent in the Russian Empire.

Analysis of reasons for their wide spread shows that it wasn't the cause of foreign influence or any kind of social protest.

Studying contemporary opinions as well as specific facts of provincial parish life led to the conclusion that there existed a wide complex of preconditions that influenced the growth of “protest” forms of religion.

Keywords: orthodox customs; traditional worldview; modernization; transformation of consciousness; “religious ignorance”; religious dissent; sectarianism; religious educational and missionary activity; spiritual and moral climate.

Введение. Вторая половина XIX – начало XX вв. вошли в историю как период модернизации, или «вестернизации» Российского государства. Стали эпохой заметного изменения духовно-нравственного и религиозного климата в российском обществе. Под влиянием общественной модернизации и европеизации начал разрушаться традиционный патриархальный уклад жизни широких масс, а вместе с ним начало трансформироваться и традиционное мировоззрение, основанное на религиозных ценностях. Изучение материалов местной и центральной прессы соответствующего периода (записок священнослужителей, публицистических очерков светских современников) дало массу примеров растущего равнодушия к церкви и пренебрежения ее установлениями со стороны самого большого социального слоя России – крестьянства. Анализ содержания ежегодно подававшихся в Св. Синод отчетов о состоянии Курской епархии за период с 1884 по 1916 гг. привел к выводу о растущей обеспокоенности курских преосвященных духовно-нравственным состоянием своих прихожан, распространением безверия и атеизма. Знакомство с источниками историко-этнографического характера привело к заключению об активном распространении в крестьянской среде конца XIX – начала XX в. пословиц и поговорок, отражающих неуважение к православным священнослужителям.

Согласно Б.Н. Миронову, одним из главных признаков модернизма является ослабление религиозных традиций и утверждение светской системы ценностей, в которой индивидуализм является «массовым ощущением», «второй религией», «новой технологией общественного и человеческого успеха» [1].

Действительно, факты говорят, что в результате «великих» реформ система ценностей крестьянства и городских низов начала меняться, в их поведении наблюдался рост рационализма, прагматизма, расчетливости, индивидуализма, не свойственных патриархальному обществу. Капиталистические отношения, не стесняемые религиозными представлениями, становились нормой.

Согласно исследованию В.Ю. Лещенко, в народные поговорки пореформенного периода все чаще стала входить «жадность» притча. «У попа глаза завидующие, руки загребущие»; «Поп с живого, мертвого дерет»; «У попов карманы глубоки» [2].

С этим утверждением соотносятся слова И.А. Добровольского, с горечью писавшего, что «Русский крестьянин суверен, но все более равнодушен к религии... Он для очистки совести соблюдает внешние обряды культа; он идет в воскресенье к обедне, чтобы шесть дней больше не думать о церкви. Священников он презирает как тунаядцев, как людей алчных, живущих на его счет. Героем всех народных непристойностей, всех уличных песенок, предметом насмешки и презрения всегда являются поп и дьякон или их жены» [3].

Материалы и методы. Источниками для написания данной статьи послужили материалы Российского государственного исторического архива, Государственного архива Курской области, отчёты о состоянии Курской епархии, выпуски Миссионерского обозрения, статьи курского автора И. Дмитриевского, исследования российского историка А.И. Клибанова, специалиста в области

истории религии и сектантства, создателя школы исследователей религиозно-общественных движений в России. И, конечно же, многочисленные труды, доктора исторических наук Б.Н. Миронова. Он является автором первого в мировой историографии обобщающего фундаментального исследования социальной истории России с конца XVIII в. до 1917 г., базирующегося на массовых статистических источниках.

Источниками являются также труды «отца русской педагогики», К.Д. Ушинского, российского культуролога А.С. Ахиезера, исследователя исторических закономерностей и А.И. Фаресова, русского писателя и публициста.

При решении исследовательских задач применялись как общенаучные методы (анализа и синтеза, конкретизации, обобщения), так и традиционные методы исторического анализа. В работе использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами.

О духовной жизни населения Курской губернии в конце XIX – начале XX вв. красноречиво свидетельствуют отчеты о состоянии епархии, ежегодно подававшиеся в Синод курскими преосвященными. Не будучи заинтересованными в очернении своей паствы, архиереи, тем не менее, на протяжении периода с 1884 по 1916 гг. были вынуждены уделять всё большее внимание неполноценности ее религиозной жизни. «Простой народ... недостаточно проникает в сущность религиозных истин и не сознает, в чем именно должна проявляться его вера в жизни; интеллигенция относится скептически к этим истинам, а в жизни своей редко сообразуется с требованиями религии», - говорится в отчёте за 1906 г. [4].

Обсуждение. По сведениям И.А. Добровольского, отношение к церкви в соседних приходах часто оказывалось «настолько равнодушно, что пользовались малейшим недосугом, недомоганием или плохой дорогой и погодой, чтобы не посещать ее. О некоторых крестьянах говорили, что они были в церкви только тогда, когда венчались» [5]. Такая картина была характерна не только для Курской губернии. О подобных настроениях православных прихожан в пореформенный период свидетельствуют материалы из Владимирской губернии, изданные Б.М. Фирсовым и И.Г. Киселевой. Так, согласно этим материалам, в Меленковском уезде указанной губернии молились мало, да и родители не внушали детям творить молитву [6]. Едва ли не все посещали церковь лишь в праздничные и воскресные дни. В будни на службе бывал только церковный староста. Женщины посещали храм активнее мужчин. Священное писание крестьяне читали редко и молитв знали мало. Посты соблюдали «старики да старухи», молодежь соблюдала их не особенно строго [7].

О меняющемся менталитете широких масс говорит содержание народной литературы того времени. Проводимые современными учеными исследования показывают, что на рубеже XIX-XX в. здесь появляется новый – рациональный, активный, далекий от религии и церкви – герой, добивающийся успеха в жизненной борьбе благодаря личным усилиям, часто при этом вступая в конфликт с общиной и выходя за рамки устоявшихся обычаев. Он заменяет традиционного героя, который полагался на судьбу и божественное провидение [8]. «Замечаются отступления от традиционного мировоззрения, и мы здесь и там видим признаки зарождения другого, признающего участие человека в собственной судьбе», - писал по этому поводу Д.К. Кавелин [9].

В целом «догоняющая» модернизация оставила глубокий след на духовном облике российского социума. Ослабление влияния православия на широкие слои населения, капитализация человеческих отношений, пренебрежение к традиционным «деревенским» ценностям (без их адекватной замены) привели к процессу массового разложения нравственных устоев общества. Характеризуя городскую жизнь начала XX в., курский епископ Питирим писал: «Нарушение супружеской верности и незаконное сожитие составляют обычное явление, ими несколько не стесняются и часто жена и муж открыто изменяют друг другу, а общество... совершенно равнодушно к подобным поступкам» [10]. Также ему и его преемникам пришлось говорить о пьянстве, «легкомысленном и неосторожном употреблении безнравственных, грубых ругательств», легкомысленных суждениях о религии и т. д. [11].

Знаменитый русский педагог К.Д. Ушинский обращал внимание на явственную зависимость духовно-нравственного состояния населения и степени «цивилизованности» того или иного населенного пункта (региона, области). Вот что он писал по поводу влияния новых явлений на духовную жизнь народа: «Патриархальная нравственность сохраняется гораздо более в глуши наших деревень, удалённых от центров промышленной деятельности и цивилизации. Чем более заброшена деревня в глушь, чем менее она пользуется всеми выгодами образования, тем патриархальнее её жители и тем они нравственнее. Чем ближе к железным дорогам и шоссе, к большим сухопутным и водяным сообщениям, к столицам и фабричным местностям, тем меньше патриархальности и вместе с тем меньше нравственности. Словом, наша патриархальная нравственность не выдерживает столкновения с цивилизацией, поедается ею, как вековые леса поедаются пламенем пожара» [12].

Записки современников, наблюдавших трансформацию жизненных устоев, часто имеют весьма пессимистический характер. Вот, например, «живой» рассказ о довоенном периоде жизни в деревне (то есть в начале XX в.): «Совести не стало в народе... Честь пропадает,... Нравственные

убийства страшней уголовных... Государство распадается снизу. Этого никто не замечает, но это факт. Невозможно никакое общественное дело с этими массами. Начните вы что-нибудь делать у себя в имении... Ни плотника, ни печника, ни пастуха не найти честного. Все норовят забрать деньги вперед, сделать кое-как... Рабочие требуют денег вперед, уходят с работы; а получив деньги, запиивают и тоже уходят.... Всюду жалобы, что в крестьянах совести не стало...» [13].

Все чаще стало проявляться равнодушие к человеческой жизни. Так, в 1905–1906 гг. только эсерами в результате индивидуальных террористических актов было убито более 3 тысяч человек; при этом население в большинстве своем не порицало, а порой приветствовало убийц [14].

Л. Толстой в 1910 г. с ужасом отмечал: «Вандалы...уже вполне готовы у нас в России. И они, эти вандалы, эти отпетые люди, особенно ужасны у нас, среди нашего, как это ни странно кажется, религиозного народа. Вандалы эти особенно ужасны у нас именно потому, что у нас нет сдерживающего начала, которое так сильно среди европейских народов. У нас либо истинное, глубоко религиозное чувство, либо полное отсутствие всяких сдерживающих начал: Стенька Разин, Пугачев... И, страшно сказать, эта армия Стеньки и Емельки все больше разрастается...» [15].

Анализируя причины нравственного упадка российского общества, представители Русской Православной церкви обычно указывали на необходимость укрепления религиозных основ в жизни масс. В то же время они были вынуждены обращать внимание на религиозную «неграмотность» населения, называя ее одной из предпосылок успешности антицерковной пропаганды.

Миссионер П.И. Молчанов так характеризовал состояние религиозных воззрений в крестьянской среде «глухих мест» центральной России: «Религиозно крестьянин не просвещен, яко младенец. У большинства неграмотных крестьян вся религия заключается в одних только обрядах. Такие элементарные христианские истины, как о троичности лиц Божества, крестьянину совершенно неведомы. Спросите какого-нибудь крестьянина или крестьянку – «Кто есть Бог? Где он?», - то он только удивленно посмотрит на вопрошающего или даже укажет на икону как на Бога; нередкость услышать, что Троица – три Бога, Христос есть Иисус, Христос есть истинный Христос – вот понятия простонародья о Спасителе мира» [16].

Языческим, по сути, мог оставаться и взгляд на православные иконы. Тот же миссионер пишет, что в граничащих с украинскими землями местностях Курской губернии существовал обычай «лишать первоначальной чести» ветшающие иконы (по мере старения иконы было принято выносить в сени, в ригу, а затем в хлев к лошадям). Следствием этого обычая, по словам И.Дмитриевского, было то, что «иконы в глазах православных вовсе не имеют того священного значения, какое должны бы иметь».

Говоря об условиях распространения «раскола» (в первую очередь сектантства) во второй половине XIX – начале XX в., следует обратить внимание и на изменения в образе жизни, которые происходили под влиянием реформ и модернизации российского общества. Разрушение традиционной замкнутости, распространение отходничества, появление заводов и фабрик способствовало развитию религиозного инакомыслия. «В уезде внешним источником вольномыслия служат отхожие промыслы, а постоянным внутренним – заводы.... Заводские идеи, конечно, разносятся по деревням; заводская жизнь проникает в семьи и вот здесь, как там: свобода брачных отношений, нарушение постов, утрата уважения к авторитету веры и установлениям церкви, а отсюда и полное неуважение к служителям церкви» – говорится в записках И. Дмитриевского [17]. Похожие объяснения можно найти и в рапортах уездных исправников, доносивших курскому губернатору сведения о религиозном инакомыслии [18].

На модернизацию как причину религиозного раскрепощения указывается и в трудах современных историков. В частности, о «духовной эмансипации» говорит в своем фундаментальном труде Б.Н. Миронов, исследуя изменения в менталитете крестьянства пореформенного периода [19].

С мыслями православных миссионеров перекликаются и суждения представителей светской власти второй половины XIX в. В частности, для изучения причин стойкости «раскола» (т.е. старообрядчества и сектантства) в 1852 г. была сформирована специальная правительственная комиссия. Проработав три года, один из ее членов сформулировал пять причин отхода прихожан от господствующей церкви. К ним были отнесены: протест против современного порядка вещей; казенный характер церкви; отвращение от церкви, внушаемое народу чиновническим духовенством; недостаток свободы слова, свободы религиозной полемики; потребность в умственной деятельности, лишенной простора и света, задыхающейся под душным гнетом полицейской опеки [20].

Обсуждение. Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. Русская Православная церковь оказалась перед лицом серьезных проблем. С одной стороны, развитие капиталистических отношений в России в пореформенный период сопровождалось изменением мировоззрения населения и трансформацией духовно-нравственного климата в обществе. Модернизация привела к постепенному разрушению традиционных ценностей, ослаблению религиозности населения, падению в его глазах авторитета церкви и ее представителей. С другой стороны, народная религиозность, сохранявшаяся в российской «глубинке», часто оказывалась далека от православного идеала. Образованные православные священнослужители пореформенного периода

все чаще обращали внимание на догматическое невежество российских крестьян и распространенность в их среде разнообразных суеверий. В этих условиях сохранение (а в идеале – укрепление) православных устоев в обществе требовало от Церкви чуткой работы со своими прихожанами и значительных религиозно-просветительских усилий.

Вторая половина XIX – начало XX в. стали эпохой заметного изменения духовно-нравственного и религиозного климата в российском обществе. Под влиянием общественной модернизации начал разрушаться традиционный патриархальный уклад жизни широких масс, а вместе с ним начало трансформироваться и традиционное мировоззрение, основанное на религиозных ценностях. Материалы Курской епархии свидетельствуют, что авторитет Православной церкви оказался, поколеблен, церковная составляющая жизни населения стала уменьшаться. В этих условиях от Церкви требовались продуманные и эффективные меры, направленные на укрепление веры и сохранение влияния на умы широких слоев российских подданных.

Другой предпосылкой активизации религиозно-просветительской деятельности церкви тала необходимость преодоления «религиозного невежества» значительной части православного населения, а также большого количества суеверий и предрассудков, несовместимых с учением Церкви. Данная проблема не была новой, однако именно в рассматриваемый период стала особенно заметной.

Третьей важной предпосылкой активной религиозно-просветительской и миссионерской деятельности православных священнослужителей во второй половине XIX – начале XX в. стало бурное развитие религиозного инакомыслия в Российской империи. Эта проблема стала актуальной еще во второй половине XVII в. (после реформ патриарха Никона и появления старообрядческого движения), однако особенно злободневной стала в пореформенный период, когда численный рост сект достиг апогея с распространением в народной среде т.н. «рационалистических» религиозных учений (штундизма, баптизма, евангелического христианства, толстовства и т. д.), а старообрядческое сообщество существенно укрепилось. Именно во второй половине XIX – начале XX в. возникло наибольшее количество русских сект. Пропаганда мистико-экстатических учений привела к появлению сект «шалопутов», «серафимовщины», «иннокентиевщины», «новохлыстовщины», «Нового Израиля», «трезвенников». Кроме того, в пореформенный период русское сектантство попало под влияние протестантских идей. Изучение истории религиозного инакомыслия в центральной России продемонстрировало, что в последнее десятилетие XIX в. и в начале XX в. наиболее высокие темпы развития были присущи русской штунде и баптизму, нашедшим многочисленных сторонников в Курской, Орловской, Тамбовской, Московской и других губерниях.

Проведенный анализ причин быстрого распространения религиозного инакомыслия в России конца XIX – начала XX в. показал, что они не могут быть сведены к иностранным влияниям (тезис церковной историографии) либо к проявлению социального протеста (тезис советско-марксистской историографии). Изучение мнений современников (представителей светской и духовной власти, общественных деятелей), а также конкретных фактов провинциальной приходской жизни привело к выводу о существовании обширного комплекса предпосылок, лежавших в основе роста «протестных» форм вероисповедания. К ним, в первую очередь, относились реалии жизни Русской православной церкви: неоднозначное восприятие прихожанами, видевших в ней «казенное ведомство», бюрократизация, низкий образовательный уровень значительной части духовенства, формализм, часто имевший место в проповедях и культовых действиях православных священнослужителей. Их представители часто отличались относительно высоким уровнем грамотности, глубокой религиозных убеждений и ревностной проповеднической деятельностью. Отсутствие связи с государственными структурами и периодические притеснения со стороны власти позволяли религиозным нонконформистам представлять себя в качестве «истинных христиан», противостоящих «греховному миру». Импонировал православному населению и строгий образ жизни, характерный для старообрядцев и ряда сектантских сообществ (христоверов, штундистов, евангелических христиан и т.д.). Уход из лона Русской православной церкви с последующим присоединением к старообрядцам или сектантам мог означать попытку присоединиться к более «благочестивому» сообществу.

Заметную роль в конфессиональном выборе отпадавших от православия людей играла материальная поддержка, которую старообрядцы и сектанты оказывали своим единоверцам.

Сплоченность и материальное благополучие большинства старообрядческих и сектантских общин, готовность оказать помощь новым членам также определяли симпатии к ним у части прихожан господствующей церкви.

Заключение. Важной предпосылкой развития религиозного инакомыслия в российской провинции в конце XIX – начале XX в. стали изменения в образе жизни и менталитете широких слоев общества, произошедшие под влиянием «великих реформ» и индустриализации в России. Распространение образования и либерализация общественной жизни создали условия для духовного раскрепощения («эмансипации»), а разрушение традиционной замкнутости, распространение отходничества, появление заводов и фабрик способствовало распространению новых религиозных

идей. В этих условиях от Церкви требовались продуманные и эффективные меры, направленные на укрепление религиозной веры в среде прихожан, сохранение влияния на умы широких масс, а также собственные миссионерские мероприятия для борьбы с ростом сектантства.

Примечания:

1. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. СПб.: «Дмитрий Буланин». 2003. 583 с.
2. Лещенко В.Ю. Русская семья (XI–XIX вв.): Монография. СПб.: СПГУТД, 2004. 608 с.
3. Добровольский И.А. Записки приходского священнослужителя. СПб., 1906. 59 с.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.796. Оп.442. Д. 2158. Л.29.
5. Речь белгородского епископа Иоанникия по поводу открытия епархиального съезда в Курске // Миссионерское обозрение, 1905. № 16. С. 48-49.
6. Фирсов Б.М. Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. / Б.М. Фирсов, И.Г. Кисилева. СПб. Издательство Европейского Дома, 1993. 472 с.
7. Добровольский И.А. Записки приходского священнослужителя. СПб., 1906. 114 с.
8. Миронов Б.Н. Социальная история России. М., 1999. Т. 1. 548 с.
9. Кавелин Д.К. Собр. соч. Издательство: СПб., 1898. Т. 2. 540 с.
10. Там же.
11. Отчёты о состоянии Курской епархии за 1906–1916 гг.
12. Ушинский К.Д. О нравственном элементе в воспитании // Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1948. 435 с.
13. Фаресов А.И. Голоса земли: Очерки с натуры. СПб., 1909. 238 с.
14. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т.1. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997. С.322.
15. Толстой Л.Н. Три дня в деревне // Собр. соч. в 12-ти тт. М., 1987. Т. 11. 497 с.
16. Молчанов П.И. Современные задачи православной миссии // Миссионерский листок. Вып. 4. М., 1892. 58 с.
17. Дмитриевский И. Из записок миссионера. Религиозное брожение в Путивльском уезде. Курск, 1900. 40 с.
18. Государственный архив Курской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6781. Л. 3-15.
19. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. СПб.: «Дмитрий Буланин» 2003. Т. 1. 583 с.
20. Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. М., 1978. 344 с.

References:

1. Mironov B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): V 2t. - SPb.: «Dmitrii Bulanin». 2003. 583 s.
2. Leshchenko V.Yu. Russkaya sem'ya (XI – XIX vv.): Monografiya. SPb.: SPGUTD, 2004. 608 s.
3. Dobrovol'skii I.A. Zapiski prikhodskogo svyashchennosluzhitelya. SPb., 1906. 59 s.
4. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). F.796. Op.442. D. 2158. L.29.
5. Rech' belgorodskogo episkopa Ioannikiya po povodu otkrytiya eparkhial'nogo s'ezda v Kurske // Missionerskoe obozrenie, 1905. № 16. S. 48-49.
6. Firsov B.M. Byt velikoruskikh krest'yan-zemlepushchev. Opisaniye materialov etnograficheskogo byuro knyazya V.N. Tenisheva. / B.M.Firsov, I.G. Kisileva. SPb. Izdatel'stvo Evropeiskogo Doma, 1993. 472 s.
7. Dobrovol'skii I.A. Zapiski prikhodskogo svyashchennosluzhitelya. SPb., 1906. 114 s.
8. Mironov B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii. M., 1999. T. 1. 548 s.
9. Kavelin D.K. Sobr. soch. Izdatel'stvo: SPb., 1898. T. 2. 540 s.
10. Tam zhe.
11. Otchety o sostoyanii Kurskoi eparkhii za 1906 - 1916 gg.
12. Ushinskii K.D. O nrvastvennom elemente v vospitanii // Sobr. soch.: V 2 t. T. 1. M., 1948. 435 s.
13. Faresov A.I. Golosa zemli: Ocherki s natury. - SPb., 1909. 238 s.
14. Akhiezer A.S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii). T.1. Ot proshlogo k budushchemu. Novosibirsk, 1997. S.322.
15. Tolstoi L.N. Tri dnya v derevne // Sobr. soch. v 12-ti tt. M., 1987. T. 11. 497 s.
16. Molchanov P.I. Sovremennye zadachi pravoslavnoi missii // Missionerskii listok. Vyp. 4. M., 1892. 58 s.
17. Dmitrievskii I. Iz zapisok missionera. Religioznoe brozhenie v Putivl'skom uezde. Kursk, 1900. 40 s.
18. Gosudarstvennyi arkhiv Kurskoi oblasti. F. 1. Op. 1. D. 6781. L. 3-15.
19. Mironov B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii. SPb.: «Dmitrii Bulanin» 2003. T. 1. 583 s.
20. Klivanov A.I. Narodnaya sotsial'naya utopiya v Rossii. M., 1978. 344 s.

**Условия и предпосылки религиозно-просветительской
и миссионерской деятельности Русской православной церкви
в центральной России в конце XIX – начале XX в.**

Елена Дмитриевна Михайлова

Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: miheldm@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена условиям и предпосылкам религиозно-просветительской и миссионерской деятельности Русской православной церкви в конце XIX – начале XX в.

Опираясь на материалы архивов, автор показывает, что важной предпосылкой активизации религиозно – просветительской деятельности стали разрушение традиционного патриархального уклада жизни широких масс, основанного на религиозных ценностях, необходимость преодоления «религиозного невежества» значительной части православного населения, бурное развитие религиозного инакомыслия в Российской империи. Проведенный анализ причин его распространения показал, что они не могут быть сведены к иностранным влияниям, либо к проявлению социального протеста. Изучение мнений современников, а также конкретных фактов провинциальной приходской жизни привело к выводу о существовании обширного комплекса предпосылок, лежавших в основе роста «протестных» форм вероисповедания.

Ключевые слова: православные устои; традиционное мировоззрение; модернизация; трансформация сознания; «религиозное невежество»; религиозное инакомыслие; сектантство; религиозно-просветительская и миссионерская деятельность; духовно-нравственный климат.